

Александр Крутов

ЭФФЕКТ ВЕРЫ ЗАСУЛИЧ,

или Новые приключения неувовимого

(дело о покушении на депутата Саратовской областной думы Сергея Курихина)

(начало: «ОМ», 2013, №8, 9; 2014, №4, 6, 7)

Стратегия «Оскорбленная невинность»

Именно так я бы обозначил одну из «масок», которые Сергей Курихин довольно часто использует, когда пытается убедить людей в своей правоте либо справедливости применяемых им методов. Собственно, прием этот распадается на две логических составляющих или, если угодно, тезиса.

Тезис 1: Не мы виноваты в конфликте или скандале, возникшем из-за того, что мы пытаемся получить у кого-то какую-то недвижимость. В самом факте, что мы вместе с партнерами претендуем на чей-то участок земли, здание или что-либо иное, в перспективе заложено глобальное общественное благо. Поэтому в возникающих скандалах или конфликтах во-

круг недвижимости, на которую мы претендуем, виноваты не мы, а наши оппоненты. Естественно, в число лиц, препятствующих осуществлению светлых планов господ Курихина, Стрельцина и Ко и тем самым отдаляющих светлое будущее наших сограждан, попадают люди, так или иначе встающие на пути «девелоперов» с Ульяновской и Московской.

Это, как правило, владельцы недвижимости, на которую вдруг в одночасье начинают претендовать наши герои. Нередко в сторонники статуса кво могут попасть и совершенно нейтральные фигуры, пытающиеся сохранить для города и его жителей историческую и социальную инфраструктуру Саратова. При этом оппоненты Курихина и Ко с помощью подконтрольной прессы и прячущихся за псевдонимами журналистов автоматически записываются едва ли не в уголовники. Собственно, я писал в предыдущем номере «ОМ», что весной 2006 года я был ославлен в одном из первых выпусков «Саратовского взгляда» как пособник вымогателей-шантажистов.

Тезис 2: Применяется, когда возможность реализации «девелоперского проекта», к которому причастны Сергей Курихин и партнеры, под большим вопросом. При этом ни медиадавление, ни опора на силовые структуры, ни власть денег не приносят ожидаемого резуль-

тата. Тогда в ход идет последний довод застройочных королей: рассуждения, что потеряли все мы вместе (то есть общество в целом) и каждый из нас в отдельности из-за того, что злокозненные оппоненты помешали господину Курихину или господину Стрельцину осуществить задуманное ими с нашим городом. А это, как правило, уж никак не меньше, чем молочные реки с кисельными берегами.

Делаю акцент на этом именно потому, что в моей журналистской практике вышеназванные господа и иже с ними дважды испытывали на мне эффективность психологического приема «оскорбленная невинность».

Первый раз — весной 2006 года после публикации в «Богатее» статьи об одной успешной операции этих господ. Точнее, о том, как им удалось получить муниципальные помещения на улице Чапаева, в цоколе девятиэтажного здания, где ранее располагались СЭС Октябрьского района и детская районная поликлиника (см. «ОМ», №7, 2014). Пожалуй, будет полезно проанализировать ответную публикацию руководства фирмы «Саратов-Рент» (так статья была подписана в «Богатее») или некоего Яна Семенова (так она была подписана в «Саратовском взгляде») через призму упомянутого приема.

Вот как описывалась общественная польза и якобы упущенная городом и его жителями выгода оттого, что журналист Крутов и газета «Богатей» помешали фирме «Саратов-Рент» довести задуманное до конца. Оказывается, это не Курихин со Стрельциным в результате сомнительной сделки получили часть детской поликлиники и все помещения районной СЭС. Оказывается, это журналист Крутов и стоящая за ним (и заказавшая статью в «Богатее») «группа юридически подкованных проходимцев» лишили жителей Октябрьского района нового здания детской поликлиники, которое воротили из «Саратов-Рент» собирались преподнести им на блюдечке с голубой каемочкой (см. «ОМ», №7, 2014).

Стоит отметить, что в электронном виде ответная публикация ООО «Саратов-Рент» в настоящее время доступна только в рубрике «Архив» на сайте газеты «Богатей». Что же касается интернет-ресурса «Взгляд-инфо», вы не найдете на нем публикации Яна Семенова. Возможно, Яков Стрельцин считал, что псевдоним прямо указывает на него, и попросил редактора убрать напоминание, как когда-то они вместе с Сергеем Георгиевичем пытались осчастливить земляков новой детской поликлиникой.

Наступил 2010 год, и уже не Яков Стрельцин через прессу, а сам Сергей Курихин в личном общении с автором этих строк попытался опробовать на мне описанный выше прием психологической обработки. Почему именно я был выбран в виде подопытного кролика, до сих пор понять трудно. К тому времени я уже пятнадцать лет отработал в саратовской журналистике и, как мне казалось, не давал оснований считать себя особо наивным и доверчивым человеком. Может быть, Курихин с моей помощью пытался нащупать новые идеи или рычаги для медиавойны, которая все больше и больше разгоралась между ним и главой Саратова Олегом Грищенко как раз в это время, и искал во мне если не союзника и потенциального подчиненного, то хотя бы человека сочувствующего. К тому же, я в это время приступил к написанию серии очерков по делу об убийстве прокурора Саратовской области Евгения Григорьева. Поскольку Сергей Курихин играл в описываемых событиях далеко не последнюю роль, он был, естественно, заинтересован, чтобы и его точку зрения услышали и довели до читателей.

Сделать это было непросто, так как благодаря разгоравшейся войне компроматов некоторые из тайных деvelopepских операций Курихина выплыли на свет божий. С учетом культурной составляющей объектов, о которых нам пришлось говорить, доказывать их социальную полезность было весьма проблематично.

Как бы там ни было, но в конце лета и начале осени 2010 года в ходе двух наших встреч Сергей Георгиевич настойчиво и на конкретных примерах пытался внушить мне простую мысль о социальном благе своей практической деятельности. Сказанное выглядит, на мой взгляд, так: «Оттого, что в результате козней недоброжелателей или чиновников-коррупционеров Сергей Георгиевич и его бизнес-партнеры не смогли завладеть возделанным участком земли или лакомым муниципальным помещением, больше всего потеряли простые люди — жители Саратова».

Речь шла о двух проектах, которые в то время были, что называется, «на слуху» и горячо обсуждались общественностью. Имеют ли эти проекты отноше-

ние к Курихину и осуществляются по его инициативе или все это «утка», выпущенная в ходе информационной войнушки, — определенно сказать было невозможно. Поэтому я, воспользовавшись случаем, поинтересовался у самого Сергея Георгиевича и получил утвердительный ответ относительно его личной заинтересованности и участия.

Тайные благодеяния Сергея Георгиевича

В первом случае говорилось о почти реализованном желании Курихина завладеть приличным куском земли в центре города под будущую застройку. Все бы ничего, но только этот участок находился на территории усадьбы Саратовского литературного музея Федина. В перспективе, при успешном осуществлении операции по изъятию данного земельного участка, размер усадьбы сокращался примерно вдвое.

То, что парки и скверы Саратова захватывают под церковную застройку предводители местной епархии РПЦ и сотрудничающие с ними бизнесмены, к этому жители Саратова не то чтобы выжили, но притерпелись. Однако чтобы частное юридическое или физическое лицо за здорово живешь отхватывало добрый кусок музейной территории — с подобным никогда еще сталкиваться не доводилось. При этом личность того, кто так бесцеремонно покусился на объект культуры, некоторое время оставалась неизвестной широкой общественности. Потом в разговорах и в прессе появились упоминания, что таинственным претендентом на музейную землю является не кто иной, как Сергей Курихин. И вот я получил подтверждение этой информации от самого Сергея Георгиевича.

Более того, в беседе мой визави сообщил воистину сенсационную информацию, которая так и просилась в газетные передовицы. Однако и сам Сергей Георгиевич, и его газета «Саратовский взгляд» по каким-то непонятным причинам предпочитали эту новость замалчивать. А между тем, в случае реализации проекта господин Курихин встал бы в один ряд с живописцем Алексеем Боголюбовым, поскольку, по его словам, вознамерился возвести новое 3–4-этажное здание общественного назначения.

«Я же не лично для себя стараюсь. В этом здании я хочу

разместить музей современной российской живописи. В нем с максимальной полнотой будут представлены полотна самых выдающихся представителей саратовской школы живописи. Два или три этажа будут занимать полотна, а один этаж я предоставляю Сан Санычу Курочкину под его музей фотоаппаратов. (Александр Александрович Курочкин — известный в Саратове фотограф-художник и коллекционер фототехники. По признанию самого господина Курочкина, его коллекция фотоаппаратов — одна из лучших в Европе. В последние годы творческая деятельность А.А. Курочкина находится в жесткой зависимости от С.Г. Курихина и руководства Саратовской митрополии. — Авт.) И этот музей, какого еще нет нигде в российской провинции, получат Саратов и его жители. Это будет очень привлекательно и для туристов. Ведь практически в одной усадьбе будет расположено несколько музеев, что, несомненно, привлечет к этому месту гостей нашего города».

Не ручаюсь за дословность, но смысл услышанного на той нашей встрече я, надеюсь, изложил довольно точно. Было от чего прийти в восторг — в одночасье Саратов превращался в город с двумя художественными музеями. И все это должно было произойти в наши смутные времена по воле всего одного человека. Помнится, даже знаменитому и приближенному ко двору живописцу Боголюбову в его стремлении открыть в Саратове общедоступный художественный музей пришлось обращаться за поддержкой и к Александру III, и к гласным Саратовской городской думы. А вот наш современник, судя по его словам, для реализации аналогичной инициативы спустя столетие с четвертью был готов обходиться своими силами и средствами. И главное, даже получив участок музейной земли, собирался молчать о своих намерениях. Единственное, что на тот момент беспокоило Курихина, — чтобы ему не мешали недоброжелатели, которые, с подачи городских властей, подняли шум и пытаются отобрать землю «взад».

Понимая, что наш герой уже натянул маску «оскорбленная невинность» и избрал меня в качестве потенциальной жертвы, я, как мог, постарался оппонировать хозяину вальяжного кабинета на Московской, 96:

«Да ведь люди и возмущаются, потому что точно не знают, кто, с чьей помощью и с какой целью оттяпал музейную землю. Вот если бы им сразу же разъяснили, что на этой земле депутат Саратовской областной думы Сергей Георгиевич Курихин пытается возвести новый музей современной российской живописи с акцентом на представителей саратовской школы... Представляю, какой прилив энтузиазма это вызвало бы у местных живописцев. Думаю, что многие из них безвозмездно презентовали бы новому собранию свои произведения. Да и из городских чиновников вряд ли бы кто решился возражать против этого таинственного и со всей очевидностью скандального землеотвода музейной территории, зная, что здесь будет в перспективе».

Но, удивительное дело, собеседник будто перестал меня слышать и старался перевести разговор в параллельное, но на деле совершенно иное русло. Он то восхищался творчеством саратовского художника Станислава Курсева, великолепно изображающего жанровые сценки из жизни старого дореволюционного Саратова. То вдруг переходил к демонстрации полотна малоизвестного русского художника середины 19-го века, которое он недавно по случаю приобрел не очень дорого. На мое замечание, что в столичных городах повсюду орудует антикварная мафия, втюхивающая богатым провинциальным буратишкам под видом русских полотен 19-го века искусные подделки, мне был продемонстрирован специальный документ. Бумага содержала печати, подписи и удостоверение, что картина действительно написана в позапрошлом веке тем самым мастером, имя которого только что прозвучало. По всему было видно, что г-н Курихин пытается предстать в роли истинного знатока искусства и серьезного коллекционера живописи. Правда, при этом было не совсем понятно, почему он скрывает намерение открыть в родном городе новый музей и всячески старается уйти от разговора о необходимости публичного оглашения этих планов.

Справедливости ради следует отметить, что я далеко не первый, кто подмечает это свойство Сергея Курихина. Приоритет здесь, безусловно, принадлежит игумenu Нектарию — давнему партнеру Курихина по благотворительному фонду «Православие и современность». Впервые об этом странном качестве Сергея Георгиевича — скрывать свои добрые дела — батюш-

ка Нектарий сообщил в заметке «Для меня это прежде всего боль», опубликованной в «Саратовском взгляде» вскоре после произошедшего 9 июня 2011 года покушения. Вот что писал в ней святой отец:

«Больно оттого, что так близка была к небезразличным мне людям смерть. Больно оттого, что в мире, в котором мы живем, в стране, городе так хрупка и ненадежна человеческая жизнь, так сильно и зачастую безнаказанно зло. Но еще больно и от другого. Больно, когда читаешь в прессе и в интернете отзывы людей, для которых и расстрел машины депутата облдумы в центре города, в котором они живут, лишь повод для досужих пересудов, для таких страшных и циничных оценок: «получил, что заслужил, так ему и надо», для радости, наконец.

Я не хотел бы ни с кем спорить, убеждая в том, насколько Сергей Курихин порядочный и неравнодушный человек, как много в его активе дел милосердия, которыми можно гордиться, и которые он, тем не менее, скрывает зачастую тщательней, чем иные люди свои преступления. В этом нет смысла. Есть люди, которые знают это так же хорошо, как и я, а кто-то и гораздо лучше. Я просто выражаю свое мнение и предлагаю свое свидетельство. И еще хочу выразить надежду. Надежду на то, что Господь, раз сохранивший Сергея Георгиевича, сохранит его и впредь, и на то, что зло, так часто остающееся тайным, станет наконец явным, а вместе с тем явными станут и те, кто это зло творит». («Саратовский взгляд», №23 (270) от 16-22 июня 2011 г.)

К сожалению, уважаемый игумен Нектарий, несущий свое монашеское послушание в статусе главного пиар-менеджера Саратовской митрополии, не приводит нам ни одного примера на этот счет. Тем не менее, я готов подписаться под каждым процитированным выше словом батюшки. И еще рассказать, как сам подвергся акту благодеяния со стороны Сергея Георгиевича. После этого, возможно, станет ясно, почему свои благодеяния Сергей Курихин «скрывает зачастую тщательней, чем иные люди свои преступления».

Ложка «Грибоедова»

Почувствовав, что я интересуюсь антиквариатом и лично знаком с рядом известных саратовских коллекционеров, Сергей Георгиевич

в одну из моих с ним встреч в 2010 году решил преподнести мне подарок. Из своих служебных закровов он извлек серебряную ложку и протянул мне. Камерная церемония вручения подарка сопровождалась словесной аннотацией, в которой содержались сведения об историческом и криминальном бэкграунде данного артефакта. Сказанное Сергеем Георгиевичем выглядело примерно так:

«Вот хочу тебе подарить ложку, которая принадлежала известному русскому поэту Александру Грибоедову. До известных событий в Чечне она хранилась в историческом музее в Грозном. Но во время первого штурма города музей был разбит, а его фонды разграблены. В результате эта ложка в вещмешке одного из десантников попала в Са-

ратов. Но я ложки не коллекционирую — так что бери и пользуйся».

После такой прелюдии я, сознаюсь честно, впал в шок. Дело в том, что в мире коллекционеров существует многолетнее неписаное правило: никогда не приобретать и не хранить вещи, украденные из государственных музеев. Ведь если такая вещь будет обнаружена, ее владелец рискует потерять не только коллекцию, но и свободу. Помните, несколько лет назад федеральные СМИ широко освещали случай, когда из запасника Государственного Эрмитажа было похищено несколько сотен ценнейших артефактов? Хищения совершал один из музейных служащих. А поскольку сверки имеющихся в наличии экспонатов с зафиксированными в документах в Эрмитаже не проводились десятилетиями, воровство длилось много лет. Родственники вора все это время перманентно сбывали украденное питерским коллекционерам. И когда кража наконец-то обнаружилась и был определен ее объем, сотрудники музея пришли в ужас. Если не ошибаюсь, речь шла более чем о двухстах похищенных экспонатах.

Когда составили и обнародовали список пропавшего, начали происходить удивительные вещи, предвидеть которые человек, далекий от мира антиквариата, просто не мог. Прямо к подъезду ГУВД Санкт-Петербурга неизвестные стали подбрасывать свертки, в них были аккуратно упакованы некоторые украденные предметы. Прецедентов было десятки. Теперь представьте мое состояние, когда мне была подарена вещь, якобы принадлежавшая одному из классиков великой русской литературы. И при этом благоверному сообщалось, что ранее эта ложка хранилась в фондах государственного музея.

Однако профессиональное и человеческое любопытство взяло верх над терзавшими меня опасениями. Я взял и стал внимательно рассматривать подарок. То, что это именно русская ложка, дошедшая до наших времен из 19-го века, не было никаких сомнений. На ее ру-

коятке было выбито несколько клейм, среди которых явно различалось изображение Святого Георгия и цифра «1802».

По мере изучения клейм и надписи на рукоятке сомнения и опасения постепенно улетучивались, тревожные чувства даже сменились игривым настроением. Но, чтобы окончательно расставить все точки над «i», я задал моему собеседнику и дарителю простой вопрос:

«— Сергей, скажи, пожалуйста, а откуда известно, что эта ложка принадлежала именно Грибоедову?»

— Как откуда?! — чуть-чуть обижено изрек Курихин. — Вот же на ее ручке стоит монограмма бывшего владельца, четко просматриваются его инициалы — «А.И.Г.». Это значит — Александр Иванович Грибоедов, автор «Горя от ума».

— Сергей Георгиевич, дорогой, но ведь автора «Горе от ума» звали не

Та самая знаменитая «ложка Грибоедова». На задней части рукоятки хорошо различимы инициалы «А.И.Г.»

Александром Ивановичем, а Александром Сергеевичем. Еще на уроках литературы в 8-м классе учителя обращают внимание учеников, что Пушкин и Грибоедов были тезками.

— Да нет, ты что-то путаешь... Мне, когда я приобретал эту ложку, точно сказали: Александр Иванович Грибоедов. Впрочем, это легко проверить...».

С этими словами депутат-меценат уткнулся в ноутбук и через пару минут уже точно знал правильное отчество автора «Горя от ума». Затем на несколько секунд в кабинете повисла тягостная пауза. Я в это время вспомнил краткую характеристику личности Курихина, которую однажды услышал из уст известного саратовского литератора и публициста Владимира Вениаминовича Глейзера: «Ну всем хорош Сергей Георгиевич Курихин, но только имеет один существенный недостаток: он не окончил средней школы».

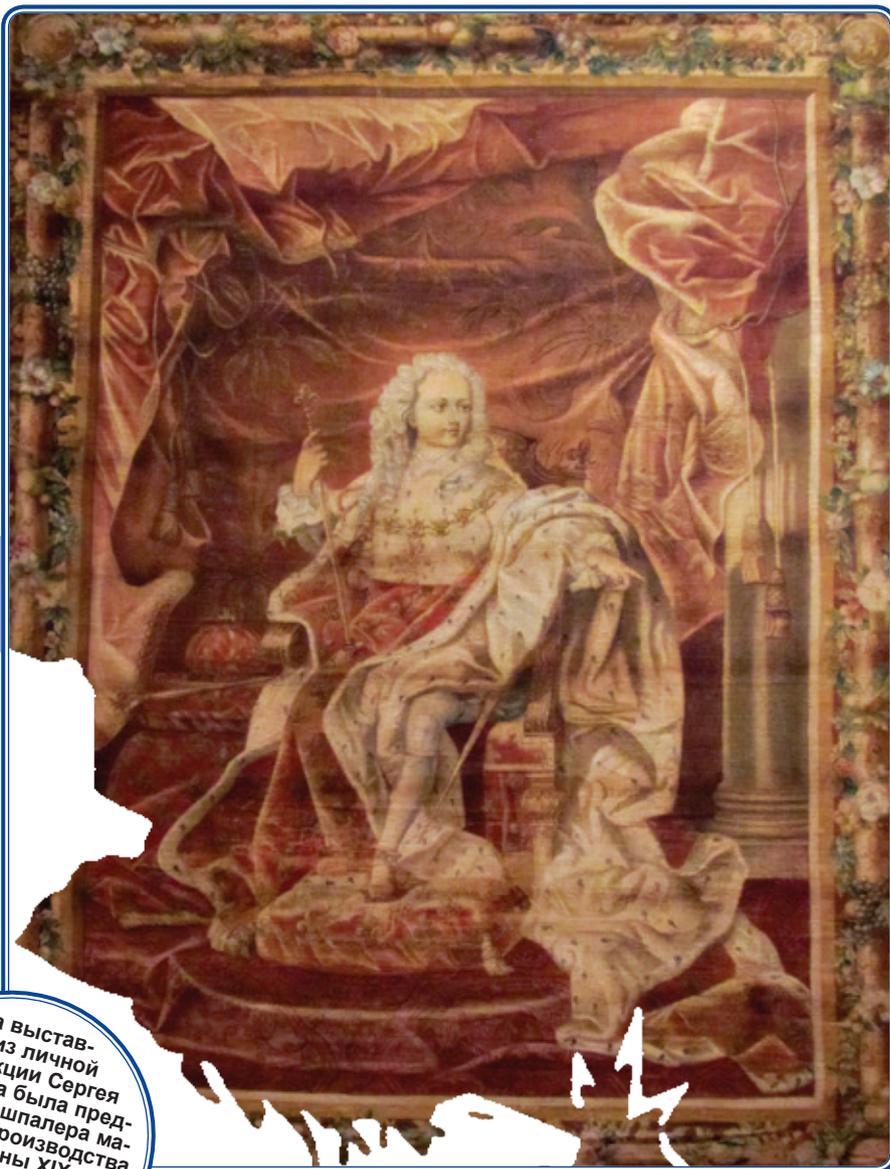
В самом деле, подумалось мне, если бы у моего дарителя было хоть на йоту больше гуманитарных знаний, под выгравированные на злосчастной ложке инициалы «А.И.Г.» можно бы было подобрать не менее знаменитого перволадельца. Скажем, Александра Ивановича Герцена. Правда, для этого пришлось бы искать дополнительное объяснение, каким образом ложка Герцена попала в грозненский музей. Ведь вторую половину своей жизни Александр Иванович безвыездно провел в Лондоне, где издавал свой знаменитый «Колокол». Хотя можно было постараться. Скажем, ложку приобрел в Лондоне на аукционе «Сотбис» Борис Абрамович Березовский, после чего в знак крайней дружбы и расположения передал ее Шамилю Басаеву. Произошло это дарение незадолго до того, как тот решил вторгнуться со своими боевиками в Дагестан. Ну и так далее...

Пока я сидел и прикидывал в уме различные варианты, как бы я выбирался из подобной ситуации, хозяин кабинета начал действовать. Он схватился за телефон и стал названивать некоему гражданину — его также звали Сергей Георгиевич. Из контекста разговора можно было понять, что он как раз и «втюхал» ложку Грибоедова». Проницательный читатель и без моей помощи способен представить суть беседы, поэтому приводить ее здесь не буду.

А подаренную ложку я до сих пор храню. И однажды даже использовал ее не по прямому назначению. Когда мне зимой 2010-2011 годов довелось быть руководителем курса молодых журналистов-расследователей в «Школе журналистского мастерства», организованной в Саратове «Фондом защиты гласности», я использовал эту ложку в качестве учебного пособия для деловой игры. Целью было продемонстрировать актуальность правильного выбора темы предстоящего журналистского расследования. Я давал обучающимся осмотреть эту ложку и одновременно почти слово в слово сообщал ту самую «вводную легенду», услышанную в кабинете Курихина. Затем просил учеников сделать вывод о целесообразности журналистского расследования относительно ее прошлого.

По стопам Боголюбова?

При встречах Сергей Курихин взял с меня обещание, что я пока воздержусь от публикации в прессе сообщений о его

На выставке из личной коллекции Сергея Курихина была представлена шпалера мажорантинского производства 2-й половины XIX века с изображением Людовика XIV, жившего ранее

желании создать художественный музей. Я уже привик, что люди на этом свете живут самые разные. Соответ-

ственно, просьбы и желания у них тоже могут быть самые разные. Один человек может быть очень скромным или застенчивым и в силу этого не желать огласки своих благородных намерений. Второй может быть просто суеверным, опасаться дурного глаза и т.п. Третий вполне резонно решит, что разглашение намерений создать музей позволит окружающим сделать выводы о его чрезмерных богатствах и, соответственно, привлечет к его персоне внимание потенциальных злоумышленников.

Так или иначе, но я не увидел в просьбе Сергея Георгиевича чего-либо незаконного или из ряда вон выходящего. И до настоящего момента ничего не писал о музейных страстях и намерениях нашего героя, предоставляя возможность это сделать ему самому.

За минувшие четыре года произошли определенные метаморфозы как с участком музейной земли, так и с руководителями областного музея Федина. В разгар информационной войны между Курихиным и Грищенко могло даже показаться, что на первоначальных планах Сергея Георгиевича получить этот участок был поставлен жирный крест. Во всяком случае, в какой-то момент исчезли всякие ограждения на территории усадьбы. Вскоре директором музея была назначена старая номенклатурщица Валенти-

на Жукова. Незадолго до этого городские власти убрали ее с должности директора Централизованной библиотечной системы Саратова. Именно с Валентиной Семеновной, с ее чутким руководством музеем Федина народная молва связывает реанимацию вопроса о земельном участке для Сергея Курихина. Как бы там ни было, уже больше года данный земельный участок отторгнут от территории музейной усадьбы и вновь огорожен забором.

Весной прошлого года произошло еще одно примечательное событие. С подачи господина нашего Курихина наконец-то появилась информация о его намерении создать в Саратове частный художественный музей. Честь стать главным ньюсмейкером предоставили патриарху саратовской административно-художественной системы, генеральному директору Саратовского художественного музея имени Радищева Тамаре Гродсковой. Для этого вполне удачно был избран повод — 11 апреля 2013 года в Радищевском музее открылась выставка «Европейское искусство XVII-XIX вв. Из частной коллекции». Вскоре стало ясно, что таинственный частный коллекционер, представивший экспонаты, — не кто иной, как Сергей Георгиевич Курихин.

Вот что сказала Тамара Викторовна Гродскова на церемонии открытия:

«Сегодня очень значимое событие для всей культуры нашего города, потому что мы открываем выставку из

сания выставки (под которым стоят подписи «Л.П. Красноперова, Т.Е. Савицкая, М.В. Щетинина»), удалось установить только одного — Джованни Баттиста Чимароли.

Более того, по словам искусствоведов, — одна из картин — копия с полотна Питера Пауля Рубенса «Охота на веря», хранящегося в Дрезденской картинной галерее. Копия датируется второй половиной XIX века. То есть никто не постеснялся экспонировать в музее копию на 350 лет моложе оригинала.

Весьма любопытна оценка профессионалами и представленной Сергеем Георгиевичем шпалеры «Король-Солнце», на которой изображен король Людовик XIV, правивший во Франции с 1643 по 1715 годы:

«Скорее всего, шпалера соткана во второй половине XIX века, когда на художественном рынке появились многочисленные собиратели из разбогатевших буржуа. И поэтому сильно увеличился спрос на старую живопись, шпалеры, предметы роскоши.

Тканый ковер, видимо, в основе имевший гравюрное изображение, имитирует старинную шпалеру ручного производства хорошо виден в абсолютно ровной фактуре ковра».

Перед глазами невольно встают трое незабвенных персонажей из гайдаевских комедий — Трус, Балбес и Бывалый, которые для прикрытия основной деятельности были вынуждены торговать на барахолке глиняными кошками-копилками и рисованными ковриками с дебельными русалками. Спрашивается, как же случилось, что выставка из частной коллекции господина Курихина вдруг разместилась в стенах известного музея? По свидетельству Ефима Водоноса, в последние годы в Саратовском художественном музее им. Радищева не работают ни научно-методический, ни экспозиционный советы. Поэтому любая от-

Если верить публикации на сайте «Лица губернии», автором этой картины мог быть великий Рафаэль. До этого полотна Рафаэля в России можно было увидеть только в Эрмитаже

частного собрания. Это предпосылка к созданию музея частной коллекции. У владельца этих произведений есть интеллектуальный багаж, есть понимание тех задач, которые могут стоять перед приобретением работ и пополнением коллекции. Это очень важно и перспективно для нашей культуры. Надеюсь, частный художественный музей будет основан, организован и будет пользоваться большим успехом. И я желаю автору идеи больших успехов».

Но если вы думаете, что в планируемом частном музее будет представлена современная российская живопись с акцентом на саратовскую школу, вы глубоко заблуждаетесь. По крайней мере, часть коллекции господина Курихина, «просиявшая» в Радищевском музее, не давала никаких оснований для подобных прогнозов. На выставке, о которой говорила Гродскова, можно было увидеть всего пять живописных полотен и одну шпалеру.

По оценке руководителя отдела русского искусства Радищевского музея Ефима Водоноса, представленные на выставке работы были «весьма средненькими» по своим художественным качествам. Ефим Исаакович был весьма деликатен, поскольку из уст другого профессионального ценителя изобразительного искусства я услышал следующее: «По своей художественной ценности представленные Сергеем Курихиным

на выставке полотна — это такой же ширпотреб, что сегодня продается на проспекте Кирова перед «Детским миром». Разница лишь в том, что картины Курихина на 200–300 лет старше». Косвенное подтверждение справедливости таких высказываний — лишь у одной из пяти картин идентифицирован автор. Хотя, как заметил Ефим Водонос, готовившие выставку научные сотрудники музея тщательно пытались установить имена всех авторов картин. Однако, если судить по тексту подготовленного опи-

крывающаяся выставка — результат волевого решения музейного руководства. Впрочем, любое коллекционирование — дело вкуса. А о вкусах умные люди, как правило, не спорят. Правда, подобный постулат применим и актуален лишь до тех пор, пока чей-то частный дурной вкус и сугубое невежество не начинают преподносить нам в качестве общественного блага и моральной нормы. Вот поддержка из выступления на открытии выставки министра культуры Саратовской области Светланы Краснощековой:

«Я поздравляю всех присутствующих с этим событием. Действительно, наша земля — потрясающая, росток культуры в сфере искусства, гениальная, плодородная земля. Это аура нашего города. На нашей земле появился первый общедоступный музей. На его базе рисовальное училище и те имена среди художников: Петров-Водкин, Боголюбов... Не каждый город может похвастаться такими музеем и училищем. Теперь, я думаю, не каждый город сможет похвастаться музеем, в котором будут выставлены частные коллекции. Замечательно, что это происходит весной, когда хочется обновлений, чего-то нового и радостного. Именно весной рождаются новые проекты. Думаю, музей, который планируется создать, станет визитной карточкой нового города, на которую будут равняться не только города Поволжья, но и города России. Думаю, благодаря таким событиям наш город может по праву называться культурной столицей Поволжья».

А вот что сказал там же глава Общественной палаты Саратовской области Александр Соломонович Ландо:

«Очень важно, что у нас есть люди, которые являются собирателями сокровищ мирового искусства. Мы еще раз подчеркиваем, что Саратов входит в мировое, европейское сообщество. Во всем мире люди выставляют частные коллекции. Я слушаю своих товарищей и думаю, что правильная идея у губернатора — построить выставочный комплекс... Важно, что сегодня люди могут прийти, посмотреть эти чудеса и прикоснуться к европейскому искусству». (Использованы выше выступления Т. Гродсковой, С. Краснощечковой и А. Ландо приводятся по публикации «Сергей Курихин планирует в Саратове создать первый частный художественный музей», информационный портал «Лица губернии» от 12.04.2013 г.).

Удручает, что для продвижения в массы подобных образцов культурного уровня и сопутствующих им морально-нравственных стандартов используется бавальная ложь.

Например, на портале «Лица губернии» в той же публикации есть информация, где Сергей Георгиевич преподносится как владетель полотна, принадлежащего кисти ... (не падайте в обморок) ... великого Рафаэля. Цитирую дословно: «Живописное полотно «Мадонна с младенцем».

Как считают эксперты, картину можно считать работой знаменитого Рафаэля Санти или одного из его ближайших учеников. Облик Мадонны, ее прекрасные черты, несомненно, заимствованы у прославленного мастера эпохи Ренессанса».

Самое прискорбное — ссылка на неких экспертов. На самом деле никакие эксперты так не считали и подобного мнения высказать не могли. Ведь если даже предположить, что господину Курихину и в самом деле удалось приобрести на каком-либо из аукционов подлинную работу Рафаэля, он никогда не смог бы вывезти её в Россию. И уж тем более публично экспонировать. Не делали подобного вывода и наши саратовские специалисты. Вот как выглядело на самом деле заключение искусствоведов из музея имени Радищева:

«Картину можно считать работой одного из последователей знаменитого Рафаэля Санти. Облик Мадонны, ее

прекрасные черты, несомненно, заимствованы у Рафаэля. (...)

По технологическим признакам картину следует отнести к XVI столетию».

Для сведения: Рафаэль Санти прожил довольно короткую жизнь — всего 37 лет. Поэтому вряд ли уместно говорить об его учениках. А вот подражатели манере письма создателя знаменитой Сикстинской капеллы, безусловно, возникали. И их было немало. То есть в случае с картиной «Мадонна с младенцем и Иоанном Предтечей» мы опять имеем дело с чем-то вторичным. А также с новой попыткой Сергея Георгиевича напялить на антикварный ширпотреб тогу с именем великого мастера. Или, если угодно, представить очередную «ложку Грибоедова».

Впрочем, анализируя представленные на выставке экспонаты из частной коллекции Сергея Курихина, мы как-то ушли от вопроса о сущности будущего частного музея. Вспомним, что на открытии выставки прозвучало довольно много мнений, что это будет за музей, какие экспонаты и коллекции в нем будут представлены и, что немаловажно, на какие деньги он будет строиться. Версии эти зачастую противоречили друг другу. И при этом ни одно из мнений не было озвучено лично Сергеем Курихиным.

Итак, Тамара Викторовна Гродскова сообщила, что Сергей Георгиевич Курихин планирует создать в Саратове частный художественный музей. Из выступления Светланы Краснощечковой нам известно иное: что это будет музей «частных коллекций». Слово «художественный» министр культуры деликатно опустила. Зато частные коллекции оказались представлены не единственным числом и, возможно, не только Курихиным. Тот же Александр Ландо в своем выступлении упомянул, что в нашем городе живут и другие известные люди, чьи частные коллекции нуждаются в площадке для публичного показа. В частности, Александр Соломонович сказал про коллекцию часов экс-губернатора

Дмитрия Аяцкова и коллекцию самоваров нефтяного магната Семена Глозмана. Добавьте сюда музей фотоаппаратов Александра Курочкина — и получится довольно пестрая картина.

И, что самое главное, господин Ландо говорил о намерении губернатора построить для частных коллекций выставочный комплекс. Стало быть, подобное строительство с большой долей вероятности будет происходить на бюджетные деньги.

Сразу же на ум приходит схема взаимовыгодного «обмена любезностями»: Сергей Курихин предоставляет областному правительству землю для строительства «музея частных коллекций». А правительство, в свою очередь, передает подряд на строительство этого культурного объекта одной из фирм Курихина. Таким образом, в идеале Сергей Георгиевич может даже неплохо заработать при реализации идеи частного музея.

Кстати, примерно по такой же схеме в 1885 году возник музей имени Радищева. Алексей Боголюбов передавал в дар Саратову свою коллекцию художественных произведений и предпринимал основанные на личном авторитете усилия для ее пополнения из других авторитетных источников. А город Саратов из своих средств должен был построить для будущего музея достойное здание. Не все и не всегда складывалось гладко с реализацией этого проекта. Однажды Боголюбову пришлось даже пригрозить саратовским властям, что в случае проволочек он передаст свою коллекцию в Казань. Но при этом единственная преференция, которую Боголюбов в данном деле оговорил для себя лично, не имела материальной подоплеки. Боголюбов настаивал, чтобы музей носил имя его деда по материнской линии — А.Н. Радищева. Не уверен, что подобный альтруизм свойственен Сергею Курихину.

(продолжение следует)

